DOI: 10.31249/rsm/2024.03.10

*В.С. Груздинская*

# Обучая(сь) марксизму по-советски, или как писались национальные истории стран Восточной Европы в 1950-е годы[1]

***Аннотация.*** *В статье рассматривается опыт взаимодействия советских историков с польскими и чехословацкими коллегами в первой половине 1950-х годов. Поводом к нему послужила подготовка многотомных изданий по истории этих стран. В статье ставится цель – сравнить контакты советских историков с польскими и чехословацкими коллегами, выявить общее и различное во взаимодействии между ними. В рамках проведенного исследования были выявлены сценарии этого взаимодействия, определены общие и различные черты сотрудничества. Также был сделан вывод о бытовании разных моделей выстраивания диалога / монолога с коллегами из Польши и Чехословакии. Польские ученые не только не позволяли советским авторам «хозяйничать» на их поле, но и активно критиковали, высказывали существенные замечания в адрес советских коллег. Чехословацкие историки, напротив, шли на компромисс, или соглашаясь с советской критикой, или попросту игнорируя ее. Были выявлены схожие черты конструирования нарративов, сфокусированых вокруг общих «мест памяти». И польским, и чехословацким историкам были предложены одни и те же события, которые должны были стать фундаментом строительства «общего прошлого». К таковым, с официальной точки зрения, относились европейские революции 1848–1849 гг., Первая русская революция 1905–1907 гг., Великая Октябрьская социалистическая революция и Вторая мировая война (или иногда называлась именно Великая Отечественная война). Экспертируя работы коллег, советские ученые использовали одинаковые риторические приемы, которые свидетельствуют о сложившемся в СССР марксистском каноне. Ярким его маркером является пристальное внимание к проблеме периодизации истории, ее делении на формации, а также рефлексии относительно критериев смены формаций и их увязка с конкретным историческим материалом.*

***Ключевые слова:*** *советская историография; славяноведение; советизация; социалистическая наука; Институт славяноведения АН СССР.*

**Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Архива РАН. Россия, Москва.**
**E-mail: vik11910314@yandex.ru**
**WoS Researcher ID: B-7752-2019**
**Scopus Author ID: 57219342307**

*1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-78-01202.*

*Gruzdinskaya V.S.*

## Teaching Marxism the Soviet way, or how national histories of Eastern European countries were written in the 1950s.

***Abstract.*** *The article examines the experience of interaction between Soviet historians and Polish and Czechoslovak colleagues in the first half of the 1950s. The reason for this communication were the attempts to compile the history of these countries. The aim of the article is to compare the contacts of Soviet historians with Polish and Czechoslovak colleagues and to identify commonalities and differences in the interaction between them. As part of the study, scenarios for this interaction were identified and common and different features of cooperation were determined. It was also concluded that there were different models of building a dialogue/monologue with colleagues from Poland and Czechoslovakia. Polish scientists not only did not allow Soviet authors to "manage" their field, but also actively criticized and made significant remarks about their Soviet colleagues. Czechoslovak historians, on the contrary, compromised, either agreeing with Soviet criticism or simply ignoring it. Similar features of narrative construction were identified, focused around common «places of memory». Both Polish and Czechoslovak historians were offered the same events, which were to become the foundation for the construction of a «common past». These, from the official point of view, included the European revolutions of 1848–1849, the First Russian Revolution of 1905–1907, the Great October Socialist Revolution and the Second World War (sometimes referred to as the Great Patriotic War). When examining the work of their colleagues, Soviet scientists used the same rhetorical techniques which testify to the Marxist canon that had developed in the USSR. Its striking marker is close attention to the problem of periodization of history, its division into formations, as well as reflection on the criteria for changing formations and their connection with specific historical material.*

***Keywords:*** *Soviet historiography; Slavic studies; Sovietization; socialist science; Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences.*

**Gruzdinskaya Victoria Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, senior researcher at the Archives of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.**
**E-mail: vik11910314@yandex.ru**
**WoS Researcher ID: B-7752-2019**
**Scopus Author ID: 57219342307**

Включение Восточной Европы в орбиту влияния СССР сказалось на развитии контактов советских историков с коллегами из этих стран [Горизонтов 1993; Груздинская, Ковалев 2023; Ковалев 2021; Ковалев, Шереш 2019; Марчева 2020; Носов, Марней 2021; Расчесова 2014; Солдатов 2018; Стыкалин 2015; Шереш 2019 и др.]. В конце 1940-х – первой половине 1950-х годов начали устанавливаться институциональные связи между академическими учреждениями СССР и европейскими социалистическими странами. В числе важнейших участников этого процесса – Институт славяноведения АН СССР. В те

годы едва ли не главной составляющей его международного сотрудничества стало написание многотомных трудов по истории Польши, Болгарии и Чехословакии. Параллельно с советскими учеными свои национальные истории писали коллеги из названных стран. Это была первая попытка осмыслить исторический опыт Польши, Болгарии и Чехословакии с позиций марксистско-ленинского учения. В процессе подготовки этих изданий советские историки непременно консультировали иностранных коллег, рецензировали проспекты будущих изданий и уже готовые тексты.

В рамках данной статьи внимание будет сфокусировано на сравнении контактов советских историков с польскими и чехословацкими коллегами, выявлении общего и различного во взаимодействии между ними. Заданный ракурс обусловлен следующими обстоятельствами. Поляки, чехи и словаки принадлежат к западным славянам, что предопределило близость языков, культур и народных традиций. Одновременно все они имели исторический опыт соприкосновения с немецким миром. У них всех был свой особенный опыт соприкосновения с Россией/Советским Союзом, потому интересен «фундамент», на основе которого происходило конструирование «общего прошлого». Поэтому чрезвычайно важно проанализировать сценарии подготовки и обсуждения советскими и польскими/чехословацкими авторами национальных историй и их модели поведения, а также выявить риторические приемы полемики, всмотреться в используемый терминологический аппарат. Акцент следует сделать на следующих вопросах: Как происходило взаимодействие между учеными, и какие факторы на него влияли? Можно ли говорить о равноправном партнерстве? Или же речь шла об учительско-ученической модели отношений? Какие проблемы исторического процесса вызывали наибольшие споры? Существовали ли «зоны умолчания»?

### «История Польши»: на чьем поле игра?

В сентябре 1948 г. состоялся VII съезд польских историков во Вроцлаве, в работе которого приняли участие и ученые из СССР. Состав советской делегации численно был крайне мал, к тому же ее члены были далеки от польской проблематики. Во Вроцлав приехали археолог, сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР, консультант ЦК ВКП (б) по вопросам археологии, этнографии и истории П.Н. Третьяков, историк империализма в России, проректор МГУ, заместитель директора Института истории АН СССР А.Л. Сидоров и молодой историк-богемист из Института славяноведения АН СССР И.И. Удальцов [Удальцов 1948]. На съезде обсуждались важные проблемы национальной истории: этногенез польских племен и образование Польского государства, влияние немецкой колонизации XIII–XIV вв., экономическое развитие в XVIII–XIX вв., значение европейских революций 1848 г. Поднимались и вопросы методологического и историографического характера [Королюк 1949]. Для советских ученых эта встреча носила скорее ознакомительный характер. Как отмечал в записке о командировке П.Н. Третьяков, до поездки он и его коллеги из СССР имели крайне смутное представление о польской историче-

ской науке, которая до революции 1917 г. испытывала сильное влияние русской «буржуазной» историографии, а в годы Второй мировой войны приобрела «ярко выраженный антинемецкий характер» [Горизонтов 1993, с. 53]. На протяжении многих десятилетий, подчеркнул советский археолог, в развитии польского исторического сознания сильными оставались националистические тенденции. Спустя три года, в конце 1951 – начале 1952 г. советская делегация в почти том же составе (к упоминавшимся А.Л. Сидорову и П.Н. Третьякову присоединились историк русского Средневековья, академик, директор Института истории АН СССР и Института славяноведения АН СССР Б.Д. Греков и специалист по западному Средневековью, заведующий кафедрой истории Средних веков МГУ Е.А. Косминский) посетила совещание польских историков в Отвоцке [Стенограмма заседания участия, л. 47]. В 1952 г. П.Н. Третьяков, вспоминая о встрече в 1948 г., говорил: «Мы, советские делегаты, на этом съезде чувствовали себя достаточно неловко. Мы чувствовали, что находимся в затруднительном положении, потому что не могли же мы, гости, первые советские историки, приехавшие в Польшу, выступать против чуть не каждого докладчика» [там же]. Теперь же, в 1952 г., ученый зафиксировал коренное изменение ситуации: польские историки вступили на путь освоения марксистско-ленинского учения. Тому предшествовала начавшая советизация, перестройка и университетского курса истории, и основ научной работы, и, возможно, плотные контакты с советскими учеными по поводу написания «Истории Польши». Важно заметить, что речь идет об официальной записке в высокие инстанции, а потому П.Н. Третьякову было важно показать произошедшие изменения, т.е. написать именно то, что от него хотели услышать.

В мае 1950 г. в Институте славяноведения АН СССР обсуждали присланный польскими коллегами план-проспект будущего издания [Стенограмма совещания по обсуждению…истории Польши]. В работе заседания приняли участие авторы советского труда по истории Польши – В.Д. Королюк, И.С. Миллер, У.А. Шустер, М.В. Миско, О.Е. Иванова и др. В начале совещания Б.Д. Греков обратился к присутствующим с напутственными словами и подчеркнул особо, что обсуждение проспекта важно не только для «польских товарищей», но и для авторов советской «Истории Польши».

Следующим слово взял И.С. Миллер (1918–1978). Научные интересы ученого напрямую были связаны с польской историей XVIII–XIX вв. В 1940 г. он окончил Московский университет, в том же году поступил в аспирантуру к В.И. Пичете. Под руководством последнего в августе 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Коста Наперский. Крестьянское восстание в Польше в 1651 г.» [Фалькович 2008, с. 191]. Позднее проблематика его исследований расширилась и включала историю освободительного движения в Польше в XVIII–XIX вв. С 1947 г. ученый работал в Институте славяноведения.

В своем выступлении по поводу плана-проспекта «Истории Польши» И.С. Миллер преимущественно говорил о периодизации издания. Он подчеркнул, что этот проект является не просто первой попыткой систематизировать польский исторический процесс на основе марксистско-ленинского учения, но

и свидетельствует о «коренном переломе в польской исторической науке» и ее разрыве со «старым, буржуазным подходом» [Стенограмма совещания по обсуждению… истории Польши, л. 4]. Польские коллеги, отметил И.С. Миллер, за основу периодизации взяли социально-экономические факторы, практически проигнорировав политические условия, проблемы развития нации. Дабы не быть голословным, историк привел следующий пример. Польские авторы в качестве отдельного периода выделили период «формирования капиталистических отношений», хронологические рамки которого охватывали со второй половины XVIII до первой половины XIX в. (условно до 1864 г.). И.С. Миллер согласился, что подобное деление соответствует социально-экономическому развитию: проявившийся в конце XVIII в. капиталистический уклад окончательно «побеждает» к середине XIX в. [там же, л. 5]. Однако, по мнению советского историка, при таком ракурсе важнейшие события политической истории, как, например, разделы Речи Посполитой или формирование польской нации, оказываются не более чем фоном.

Другое замечание И.С. Миллера касалось рубежа между разными формациями. Он задавался вопросом: «Где ставить грань между феодальной формацией и капиталистической, в тот ли момент, когда появляется капиталистический уклад, когда только начинается развитие капиталистических отношений, или в момент, когда они торжествуют» [там же, л. 6]. Сам он склонялся к последнему варианту. Потому хронологический раздел между феодализмом и капитализмом, подчеркивал И.С. Миллер, неверно выделен польскими авторами и отнесен ими к 1760-м годам. В свою очередь рубежной чертой он сам называл «основные революционные события, которые положили конец феодальным отношениям, как господствующей форме производственных отношений» [там же, л. 7]. Немало замечаний у И.С. Миллера вызвало деление феодальной формации на этапы.

Другим трудным местом в периодизации, с которым столкнулись и советские, и польские авторы, был период Второй мировой войны. Здесь сомкнулось несколько важных событий польской истории: 1939 г. – начало войны и немецкая оккупация; 1941 г. – начало Великой Отечественной войны, «предрешение судьбы польского народа, грядущего освобождения Польши»; 1944 г. – создание народно-демократической Польской республики [там же, л. 10].

После И.С. Миллера слово взял другой ученик В.И. Пичеты, полонист В.Д. Королюк (1921–1981). Он согласился с замечанием коллеги относительно пренебрежения «надстроечными» факторами и фокусировке исключительно на экономическом развитии. Будучи специалистом по истории Польши Средних веков и Раннего Нового времени, историк подробно остановился на этих временных отрезках. В польском варианте феодальная формация разделена на четыре этапа: 1. Образование польского государства в связи с развитием феодальных отношений (до 1138 г.); 2. Период феодальной раздробленности (1138–1320) до даты коронации Владислава Локетка; 3. Период формирования единого государства и формирований сословий (1320–1454); 4. Экономический и культурный расцвет шляхетской Речи Посполитой (1454–1572)

[Стенограмма совещания по обсуждению… истории Польши, л. 7]. В.Д. Королюк подчеркивал, что советские авторы ограничились выделением трех этапов, объединив феодальную раздробленность и формирование единого государства в один период [там же, л. 8].

С ним не согласилась ленинградская исследовательница О.Е. Иванова. В своей речи она указала на то, что процесс объединения Польши связан с развитием внутреннего рынка. «Единое государство может стоять только на твердой экономической базе, которую дает развитие внутреннего рынка. Чисто политические моменты могут играть роль, но не решающую, не определяющую» [там же, л. 19], – парировала О.Е. Иванова. С подобным замечанием выступила медиевист, сотрудница Института славяноведения АН СССР Л.В. Разумовская (1897–1969).

По мнению В.Д. Королюка, в проспекте польских ученых «недостаточно оттенены такие внешнеполитические моменты», как германская и татаро-монгольская агрессии [там же, л. 14]. Последнее, подчеркнул историк, ускорило «процесс ликвидации феодальной раздробленности и образования польского государства» [там же]. Критиковал он и одностороннюю оценку колонизации, которая представлена исключительно положительно.

В выступлении научного сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР (с 1951 г. – Института славяноведения АН СССР), специалиста по революционному движению в России и Польше У.А. Шустера (1907–1997) звучало то же замечание, что и у предыдущих ораторов. Он критиковал польских авторов за «искусственное расчленение» периодов [там же, л. 16]. По его мнению, некоторые вопросы польской истории могут быть разрешены в тесной связке с российской историей. В частности, к таковым он отнес начало капиталистической формации. При этом не имеет принципиального значения, считал историк, выбрать в качестве точки отсчета 1764 или 1795 гг.

Отдельно У.А. Шустер остановился на истории Польши в годы Второй мировой войны. Он выступал категорически против «растворения» 1939–1940 гг. в предшествующем периоде. Историк подчеркнул: «Производит не совсем хорошее впечатление, если такой момент, как захват Польши гитлеровской Германией мы оставим каким-то заключением или придатком к предыдущему. Это, конечно, большое событие» [там же, л. 18].

Сомнения У.А. Шустера на сей счет разделял сотрудник Института славяноведения АН СССР, специалист по истории польского восстания 1863 г. М.В. Миско (1904–1972). Он заявил: «У меня вызывает сомнение точка зрения И.С. Миллера по вопросу о том, какое место отведено в польском проекте периодизации Второй мировой войны, возражение И.С. Миллера против выделения в качестве особой главы «Польша во Второй мировой войне» и предложение разбить этот пункт на два: Польша с 1918 по 1941 г. и с 1941 г. и дальше, как это сделано в нашем проспекте» [там же, л. 23]. Он назвал такую организацию материала неудачной, ибо она искусственно разрывает исторический процесс. Новый этап он предлагал начать с 1944 г., со времени «прихода Советской Армии в Польшу и освобождения Советской Армией Польши от гитлеровского ига»

[Стенограмма совещания по обсуждению… истории Польши, л. 24]. Этот вопрос остро стоял и перед авторами советской «Истории Польши». В конце концов, решено было остановиться на компромиссном варианте. Раздел «Польша в годы Второй мировой войны (1939–1944)» включал подраздел «Немецко-фашистская оккупация Польши. Борьба польского народа за свободу и независимость в первые годы мировой войны (сентябрь 1939 – июль 1941 г.)» и «Борьба польского народа против немецко-фашистских оккупантов в 1941–1944 гг.» [История Польши, с. 531–623].

Завершая заседание, Б.Д. Греков, по существу, мало что подытожил. Пожалуй, единственным дельным советом можно считать предложение польским историкам работать в тесной связке с археологами и опираться в первую очередь на археологические источники, а не только на письменные [там же, л. 35]. Со ссылкой на И.В. Сталина, академик Б.Д. Греков отметил, что складывание внутреннего рынка – это «основа всего», в то время как, внешняя опасность есть фактор, придающий ускорение развитию [там же, л. 36]. Состоявшееся заседание он оценил высоко и призвал осенью снова встретиться и обсудить трудные моменты уже вместе с польскими коллегами.

Совместное заседание состоялось 3–4 октября 1950 г. в Москве. На нем обсуждался польский проспект «Истории Польши» [Стенограмма совместного заседания]. Польские историки, принявшие участие в нем (например, С. Арнольд, Т. Данишевский, К. Маевский и др.), бодро и смело отвечали на критику авторов советской «Истории Польши» (наиболее активными среди них были И.С. Миллер, В.Д. Королюк, М.В. Миско). Как и предыдущее, это заседание открыл Б.Д. Греков. Он говорил и о важности славяноведения в советском обществе, и о нехватке специалистов в СССР. Любопытно, что академик остановился на сравнении советской и дореволюционной традиции славистических исследований: «Славяноведение старой России было довольно развитой отраслью науки, но наша современная наука не может согласиться ни с общими установками, ни с выводами, ни с методами работы прежнего славяноведения. Мы пользуемся главным образом фактическими материалами, которые обильно собраны старыми историками, но должны пересмотреть все их концепции до самого конца» [там же, л. 6]. Славянские народы, указывал Б.Д. Греков, создали у себя новый общественный строй, и все они «идут к одной и той же цели вместе с Советским Союзом» [там же, л. 7].

Греков обратился в своей речи и к польским ученым. Академик повторил ту же мысль, что и на майском заседании в Институте славяноведения АН СССР о необходимость изучать древнейший период истории с опорой на археологические материалы. Ученый затронул и обсуждаемую «Историю Польши». Его выступление носило скорее историографически-обзорный характер и содержало пространные рассуждения о польском историческом процессе, его связи с историей Советского Союза. При этом конкретных примеров и отсылок к тексту Б.Д. Греков не делал.

Следующей слово взяла профессор Высшей педагогической школы в Лодзи, специалист по истории рабочего движения Н. Гонсёровская (Natalia

Gąsiorowska-Grabowska; 1881–1964). Ее доклад был посвящен произошедшим в последние годы изменениям в польской исторической науке [Стенограмма совместного заседания, л. 27]. Среди очевидных новаций – интерес к истории капиталистических отношений. Также она указала, что польские ученые учатся писать классовую историю, историю масс.

С речью выступила официальный польский историк и политический деятель Ж. Корманова (Kormanową Żanną; 1900–1988). С 1939 по 1944 г. она жила в Москве. В конце 1944 г. вернулась в Польшу, где возглавила департамент Министерства просвещения, занимавшийся реформой образования. Ее выступление на совместном совещании в октябре 1950 г. было очень эмоциональным, декларативным и малоинформативным. Она говорила о борьбе польских историков за «новый облик науки», о помощи коммунистической партии и советских товарищей в этом непростом деле [там же, л. 44].

После взаимных реверансов официальных лиц советской и польской историографии, ученые приступили к обсуждению труда. Первым выступил И.С. Миллер. Удивительно, но историк сфокусировал внимание не на критике польских товарищей, а на опыте советских ученых по написанию «Истории Польши». Он отметил, что при изложении новейшей истории Польши главный акцент следует делать на «неразрывную связь судьбы польского народа с Великой Октябрьской социалистической революцией» [там же, л. 115].

После майского заседания, по-видимому, советские историки подготовили бумагу со своими замечаниями на польский план-проспект. На эту мысль наталкивает выступление профессора Варшавского университета, историка-медиевиста С. Арнольда (Stanisław Arnold; 1895–1973). Он подробно остановился на расхождении в периодизации феодальной эпохи у польских и советских авторов. Различия подходов заключаются в том, что в польском проспекте феодализм разделен на пять этапов: 1) 1138–1320, 2) 1320–1454, 3) 1454–1573, 4) 1573 – середина XVII в., 5) середина XVII – середина XVIII в. [Стенограмма совместного заседания, л. 118]. С. Арнольд подчеркнул: «перелом на рубеже XV–XVI вв. мы намеренно устранили из нашего проспекта периодизации. Во-первых, потому что он был традиционно связан с периодизацией, применяемой буржуазной историографией, а во-вторых, потому что период 1454–1573 гг. следует рассматривать в целом для того, чтобы иметь полную картину основного процесса формирования барщинного шляхетского хозяйства (фольварка) и барщины на фоне классовой борьбы крестьян с феодалами» [там же, л. 119].

Он согласился с замечаниями советских авторов о недостаточном внимании к надстроечным элементам. Это признание не выглядит уступкой перед более влиятельным оппонентом. Напротив, он укорял историков из СССР в том, что они обсуждают план-проспект, который дает общую схему будущего издания и из которого в принципе «мало что можно понять» [там же, л. 121]. Ознакомился историк и с советским проспектом «Истории Польши», найдя его обезличенным. С. Арнольд обратил внимание на следующее различие: «Мы стараемся в наших трудах дать должную трактовку роли личности в историческом процессе и, в частности, осветить, в духе марксизма-ленинизма роль

личности в революционном движении – найти для выдающихся исторических деятелей соответствующее место в историческом изложении» [Стенограмма совместного заседания, л. 124].

С последним не согласился В.Д. Королюк, заявив: «Мне кажется, что критикуя наш проспект <…>, вы недостаточно четко сформулировали, мне кажется, основной тезис, из которого нужно было бы исходить при реконструкции проблемы становления феодальных отношений в Польше от процесса образования древнепольского государства» [там же, л. 195].

Обсуждалась на встрече и проблема «общего прошлого». Отвечая на замечания польского коллеги Г. Яблоньского (Henryk Jan Jabłoński; 1909–2003), преподаватель МГУ И.М. Белявская напомнила: «Самой замечательной традицией русского и польского освободительного движения 60-х гг. является польско-русский революционный союз в борьбе против общего врага – русского царизма» [там же, л. 262].

В декабре 1951 – январе 1952 г. на конференции в Отвоцке польские историки «играли на своем поле»: их было около 300 человек, в то время как из СССР приехало лишь четыре человека (Б.Д. Греков, П.Н. Третьяков, Е.А. Косминский и А.Л. Сидоров). Конечно, критика и замечания реализовывались в рамках марксистского дискурса. П.Н. Третьяков обратил внимание присутствовавших на то, как развивались славянские народы в Римской империи, как они боролись с рабовладельческим строем. По его мнению, ошибочным является представление об отсталости культуры славянских народов. Он отметил: «<…> славяне в это время не топтались на одном месте, а весьма энергично развивались, <…> можно заметить целый ряд крупных шагов вперед» [Стенограмма заседания участия, л. 6].

Поднималась проблема происхождения феодализма у славянских народов. Применительно к польской историографии этот сюжет, отметил Б.Д. Греков, приобрел новое прочтение. Традиционно считалось, что феодальные отношения и государственность в Польских землях зародились довольно поздно. Археологические находки последних лет, по мнению академика, позволили отодвинуть этот период на несколько столетий вверх и начать отсчет польской государственности с VII в. В этом он находит прямое и позитивное влияние работ советских ученых. Подчеркнул Б.Д. Греков и хорошее знакомство польских ученых с советской историографией. Его приятно удивило, что коллеги знают не только знаковые труды, но и небольшие статьи. При этом к работам советских авторов польские коллеги относятся критически, делают замечания. Потому, заметил Б.Д. Греков, «нам, советским историкам, следует быть еще более осторожными в своих суждениях, еще глубже проникать в теорию марксизма-ленинизма, очень глубоко знакомиться с трудами Сталина» [там же, л. 11].

В 1953 г. рецензентами выступили польские ученые. Лично на заседание в Институте славяноведения АН СССР для обсуждения советской «Истории Польши» приехал С. Арнольд [Стенограмма встречи сотрудников]. Польские историки, положительно оценивая труд, в то же время высказывали немало за-

мечаний фактического плана, применительно ко всем периодам истории. Любопытно, во время этих обсуждений обходили «болезненные места», а именно – разделы Речи Посполитой, образование Царства Польского, восстания в Польше в XIX в. Примирительной позицией стал тезис В.И. Ленина о царизме как тюрьме народов. Общий враг – царская власть – сглаживал напряжение. Интересно, что о польском факторе в русской Смуте в начале XVII в. ни одна из сторон не вспоминала.

### «История Чехословакии»: компромисс

В ноябре 1953 г. в Институте славяноведения обсуждали первый макет первого тома «Истории ЧСР» («Dějiny ČSR»), подготовленного коллективом Института истории Чехословацкой АН. В заседании приняли участие и штатные сотрудники института, и историки-богемисты из Московского и Саратовского университетов. Председательствовал на заседании специалист по истории южных славян С.А. Никитин (1898–1982). Дело в том, что в то время советская историография испытывала дефицит специалистов по чехословацкой истории. После возвращения в Прагу в 1945 г. З. Неедлы советская богемистика потеряла авторитетного наставника. Поэтому экспертизу чехословацкого учебника проводили в основном молодые специалисты, едва получившие кандидатскую степень или вовсе готовившие диссертационную работу.

Советские историки отметили большую работу, которую проделали чехословацкие коллеги. Им удалось за короткое время создать марксистский нарратив по чехословацкой истории [Стенограмма совещания по обсуждению … «История Чехословакии», л. 36]. Как и в случае с польскими учеными, критика чехословацких ученых в стенах Института славяноведения АН СССР была беспощадной. Под обстрел попала периодизация исторического процесса.

Сотрудник Института славяноведения, специалист по средневековой истории Чешских земель Г.Э. Санчук (1917–1996) указал на хронологические нестыковки в интерпретации истории до XV в. Так, чехословацкий коллектив представил следующую схему периодизации исторического процесса: до VII в. на территории Чехословакии господствовал первобытно-общинный строй, его разложение привело к переходу к феодальной формации, в свою очередь кризис которой проявился в XIV в. и стал предпосылкой «гуситской революции». По мнению советского историка, при таком раскладе период развитого феодализма, не успев начаться в XIII в., в XIV в. уже разложился.

Если польских коллег критиковали за недостаточное внимание к надстроечным элементам – политике, формированию нации, то чехословацкие коллеги, по мнению советских экспертов, уделили недостаточное внимание экономическим аспектам. Например, научный сотрудник Института славяноведения АН СССР, специалист по новейшей чехословацкой истории А.Н. Недорезов (1919–2001) отмечал: «На первый план авторы конспекта выдвигают политическую историю, и вопросы классовой борьбы, характеристика экономического развития отодвигается на второй план. Это приводит к схематизму в построении кон-

спекта. Безусловно, правильнее всего было бы начать главу проспекта с характеристики экономических изменений, которые явились результатом гуситских войн, с тех глубоких экономических изменений, которые явились результатом общего экономического развития страны» [Стенограмма совещания по обсуждению…«История Чехословакии», л. 66]. Специалист по истории гуситского движения, преподаватель Саратовского университета А.И. Озолин (1907–1997) указал на отсутствие в чехословацком тексте различий между «простым товарным производством» и «капитализмом». Следовательно, заметил он, «не прослеживается роль товарного производства и эволюция товарного производства» [там же, л. 52].

Не всегда умело и ловко чехословацкие историки жонглировали цитатами из классиков. На это, в частности, указала преподавательница Московского областного педагогического института, специалист по истории Чешских земель в XVI–XVII вв. Л.П. Лаптева. Она называла отсылку в учебнике к высказыванию К. Маркса об испанском абсолютизме, который «задавил» развитие городов и экономики, целесообразным [там же, л. 76]. Поверхностной ей показалась ссылка на высказывание И.В. Сталина о турецком нашествии как факторе образования многонационального государства. При таком ракурсе, отмечала историк, у читателя может сложиться неверное представление о движущих силах формирования государства.

Уже упоминавшийся полонист В.Д. Королюк поставил в укор чехословацким авторам отсутствие в тексте отсылок к связям чешского и словацкого народов с остальным славянским миром [там же, л. 14]. Так, он отметил, что переход к христианству по латинскому обряду имел одинаковое значение и для чехов, и для поляков. Его историк сводил к «ослаблению тесных связей в дальнейшем с древнерусскими землями» и к «отрицательному влиянию для самого национального развития чешского народа» [там же, л. 16].

Эмоциональный фон заседания был напряженный, в отличие, скажем, от встречи советских полонистов в мае 1950 г. Попытался снизить градус обсуждения И.С. Миллер, предложивший взглянуть на текст с точки зрения новаций. Историк заявил, что «речь идет не об ошибках, допущенных составителями этого конспекта вследствие недостаточной грамотности, а потому что они пошли вслед за ошибками советских историков» [там же, л. 84]. Видимо, имелись в виду опубликованные ранее работы по истории Чехии, в частности единственная на тот момент охватывающая всю чешскую историю монография, вышедшая в 1947 г. под редакцией В.И. Пичеты [История Чехии].

Другим отличием от польских коллег, которые на обсуждение своих трудов приглашали только советских ученых, служил тот факт, что чехословацкие историки организовали широкую конференцию [Pracovnh konference, s. 181–187]. В ее работе участвовали исследователи из разных социалистических стран, которым предварительно был разослан текст. 9 декабря в Прагу прибыли венгерские историки Дёрдь Секей (Gy. Szekely; 1924–2016) и Эндре Арато (A. Arató ; 1921–1977), ученый из Польской академии наук Витольд Куля (W. Kula; 1916–1988) и др. [Stonografický zápis diskuse].

Советскую историческую науку на этом мероприятии представляли директор Института славяноведения АН СССР П.Н. Третьяков (1909–1976) и заведующий сектором новой истории Института истории АН СССР Н.И. Саморуков (1892–1971). Советские историки, присоединившиеся к конференции 11 декабря в самый разгар обсуждения доклада Олдржиха Ржиги (Oldřich Říha, 1911–1974), посвященного вопросам национального движения в чешских и словацких землях во второй половине XIX – начале XX в., быстро включились в работу [Третьяков 1954, с. 184]. Н.И. Саморуков в своем выступлении озвучил методологические постулаты, на которые следует опираться при изучении «национального вопроса и особенностей национального движения народов Австро-Венгрии в эпоху промышленного капитализма и империализма» [Отчеты сотрудников института 1953, л. 6]. Эта речь произвела сильное впечатление, поэтому организаторы конференции попросили исследователя разрешить ее опубликовать. В 1954 г. текст будет напечатан в главном историческом журнале «Československý časopis historický» [Samorukov 1954, s. 69–77].

Замечания опоздавших советских коллег были заслушаны на специально организованном дополнительном заседании. П.Н. Третьяков зачитал документ, подготовленный коллективом Института славяноведения АН СССР на основе ноябрьского заседания[2]. Документ содержит безэмоциональный список сильных и слабых сторон труда.

Вторая встреча в рамках «социалистической науки» состоялась 18–23 июня 1954 г. в Смоленицах близ Братиславы. На ней обсуждался второй том «Истории ЧСР». Известно, что текст на рецензирование в Институт славяноведения АН СССР был прислан в мае 1954 г. [Отчеты сотрудников института 1954, л. 7]. К сожалению, невозможно сказать, в каком формате осуществлялась эта экспертиза: было ли созвано специальное заседание, как в 1953 г., или советские историки предоставили заключения в письменном виде, как это было сделано, к примеру, для первого тома «Истории Болгарии». В фондах Института славяноведения в Архиве РАН и Исторического института Чехословацкой АН в Масариковом институте и Архиве Чешской академии наук никаких следов не сохранилось.

Известно, что советские историки высказали пожелание «показать классовый состав населения накануне революции 1848 г.; дать четкую характеристику действий отдельных классов в этой революции; вскрыть характер национального движения и роль чешской буржуазии в нем; больше внимания уделить освещению борьбы демократического лагеря» [Недорезов 1954, с. 176]. Кроме того, обратили внимание эксперты и на недостаточную изученность «революционного и национально-освободительного движения в чешских землях и в Словакии как части революционного движения, развернувшегося в Австро-Венгрии» [там же, с. 176].

Учебник «История ЧСР» вышел в свет в 1955 г. в одном издании [Dějiny ČSR]. Авторы отказались от грандиозных планов опубликовать сразу трехтом-

2. *Записка с замечаниями была приложена к отчету о поездке. См.: [Отчеты сотрудников института 1953, л. 12–18].*

ный труд. Как вспоминал преподаватель Карлова университета Ф. Кавка, «самым неотложным было написание университетского учебника по чехословацкой истории, работы, по необходимости, уступчивого характера» [Kavka 2002, s. 34].

* * *

Рассмотренными нами примеры взаимодействия советских историков с польскими и чехословацкими коллегами демонстрируют разные сценарии подготовки национальных марксистских историй. Польские ученые не только не позволяли советским авторам «хозяйничать» на их поле, но и активно критиковали, высказывали существенные замечания в русле марксисткой методологии. Чехословацкие ученые шли на больший компромисс, соглашаясь с критикой или игнорируя ее. Выявлены общие черты. И польским, и чехословацким историкам были предложены одни и те же события, которые стали фундаментом строительства «общего прошлого». Это европейские революции 1848–1849 г., Первая русская революция 1905–1907 гг., Великая Октябрьская социалистическая революция и Вторая мировая война (или иногда называлась именно Великая Отечественная война). Экспертируя работы коллег, советские ученые использовали одинаковые риторические приемы, которые свидетельствуют о сложившемся в СССР марксистском каноне. Ярким его маркером является пристальное внимание к проблеме периодизации истории, ее деления на формации, а также рефлексии относительно критериев смены формаций и их увязка с конкретным историческим материалом. Зачастую советские авторы настолько увлекались критикой историков из Восточной Европы, что забывали о мощной интеллектуальной традиции, сложившейся в этих странах в предшествующий период.

## Библиография

Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 50–66.

Груздинская В.С., Ковалев М.В. Чехословацкий византиновед Милада Паулова и советские историки: на пути к сотрудничеству (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4. С. 66–73.

История Польши: в 3-х томах. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 668 с.

История Чехии. М.: Госполитиздат, 1947. 260 с.

Ковалев М.В. Венгерский византинист Дюла Моравчик и советская историческая наука // Центральноевропейские исследования. 2021. № 4. С. 56–90.

Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными // Славяноведения. 2019. № 4. С. 24–36.

Королюк В., Миллер И., Миско М. Польская историческая наука на VII Вроцлавском съезде 1948 г. // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 108–127.

Марчева И. Болгаро-советское научное сотрудничество во второй половине XX в. как форма «народной дипломатии» (на примере исторической науки) // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 434–455.

Недорезов А.И., Прасолов С.И. Конференция чехословацких историков по вопросам новой и новейшей истории Чехословакии // Вопросы истории. 1954. № 11. С. 176–178.

Носов Б.В., Марней Л.П. Проблемы истории Польши и России в первой половине XIX в. в методологических дискуссиях советских и польских историков второй половины 1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 407–440.

Отчеты сотрудников института о научных командировках в зарубежные страны за 1953 г. // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 116. 35 л.

Отчеты сотрудников института о научных командировках в зарубежные страны за 1954 г. // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 133. 27 л.

Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.

Солдатов А.А. «Соус, в котором нас готовят...»: Стефан Кеневич и польская историческая наука первого послевоенного десятилетия // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 248–266.

Стенограмма встречи сотрудников института с польскими историками // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 115. 48 л.

Стенограмма заседания участия советской делегации о конференции польских историков (г. Варшава, декабрь 1951 – январь 1952 гг.) // АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 94. 64 л.

Стенограмма совещания по обсуждению проспекта книги «История Чехословакии» Института истории Академии наук Чехословакии // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 105. 116 л.

Стенограмма совещания по обсуждению схемы периодизации истории Польши, составленной группой польских историков-марксистов // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 44. 86 л.

Стенограмма совместного заседания советских и польских историков по вопросы написания «Истории Польши» // АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 43. 330 л.

Стыкалин А.С. Венгерский историк Д. Секфю о русском национальном чувстве и советском патриотизме (1946) // Историческая экспертиза. 2015. № 3. С. 83–91.

Третьяков П.Н. Конференция чехословацких историков // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 184.

Удальцов И.И. VII съезд польских историков // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 157–158.

Фалькович С.М. Илья Соломонович Миллер (1918–1978) // Новая и Новейшая история. 2008. № 5. С.191–202.

Шереш А. Визит директора Института истории АН СССР профессора А.Л. Сидорова в Венгрию в 1956 г. // Новая и Новейшая история. 2019. № 1. С. 147–152.

Dějiny ČSR. Praha: Naље vojsko, 1955. 312 s.

Kavka F. Ohlédnuti za padesáti lety ve službě českému dějepisectiví. Praha: Univerzita Karlova, 2002. 383 s.

Pracovní konference československých historiků v Liblicích // Československý časopis historický. 1954. Č. 2. S. 181–187.

Samorukov N. I. České a slovenské národní hnutí a národnostní otázka v období kapitalismu a imperialismu // Československý časopis historický. 1954. Č. 1. S. 69 – 77.

Stonografický zápis diskuse // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Historický ústav ČSAV. Kart. 131.

## References

Fal`kovich S.M. Il`ya Solomonovich Miller (1918 – 1978) [Ilya Solomonovich Miller (1918–1978)]. Novaya i Novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2008. N 5. P.191–202. (In Russ.)

Gorizontov L.E. «Metodologicheskij perevorot» v pol`skoj istoriografii na rubezhe 1940–1950-x godov i sovetskie istoriki [«Methodological revolution» in Polish historiography at the turn of the 1940s–1950s and Soviet historians]. Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 1993. N 6. P. 50–66. (In Russ.)

Gruzdinskaya V.S., Kovalev M.V. Chexoslovaczkij vizantinoved Milada Paulova i sovetskie istoriki: na puti k sotrudnichestvu (seredina 1940-x – seredina 1960-x gg.) [Czechoslovak Byzantine scholar Milada Paulova and Soviet historians: on the way to cooperation (mid-1940s – mid-1960s)]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences»]. 2023. Vol. 10. N 4. P. 66–73. (In Russ.)

Istoriya Chekhii [History of Czech Republic]. Moscow. Gospolitizdat. 1947. 260 p. (In Russ.)

Istoriya Pol`shi [History of Poland]. Vol. 3. Moscow. Izdatelstvo Academii nauk SSSR. 1958. 668 p. (In Russ.)

Korolyuk V., Miller I., Misko M. Pol`skaya istoricheskaya na VII Vroczlavskom s``ezde 1948 g. [Polish historical at the VII Wroclaw Congress in 1948] Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1949. N 11. P. 108–127. (In Russ.)

Kovalev M.V. Vengerskij vizantinist Gyula Moravcsik i sovetskaya istoricheskaya nauka [Hungarian Byzantinist Gyula Moravcsik and Soviet historical science]. Central`noevropejskie issledovaniya [Central European Studies]. 2021. N 4. P. 56–90. (In Russ.)

Kovalev M.V., Seres A. Vengerskij arxeolog Nandor Fettix i ego svyazi s russkimi ucheny`mi [Hungarian archaeologist Nandor Fettich and his connections with Russian scientists]. Slavyanovedeniya [Slavic Studies]. 2019. N 4. P. 24–36. (In Russ.)

Marcheva I. Bolgaro-sovetskoe nauchnoe sotrudnichestvo vo vtoroj polovine XX v. kak forma «narodnoj diplomatii» (na primere istoricheskoj nauki) [Bulgarian-Soviet scientific cooperation in the second half of the twentieth century. as a form of «public diplomacy» (using the example of historical science)]. Slavyane i Rossiya: problemy` gosudarstvennosti na Balkanax (konecz XVIII–XXI vv.). [Slavs and Russia: problems of statehood in the Balkans (late XVIII–XXI centuries)]. Moscow. Institut Slavyanovedeniya RAN. 2020. P. 434–455. (In Russ.)

Nedorezov A.I., Prasolov S.I. Konferenciya chexoslovaczkix istorikov po voprosam novoj i novejshej istorii Chexoslovakii [Conference of Czechoslovak historians on the modern and contemporary history of Czechoslovakia]. Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1954. N 11. P. 1765–178. (In Russ.).

Nosov B.V., Marnej L.22P. Problemy` istorii Pol`shi i Rossii v pervoj polovine XIX v. v metodologicheskix diskussiyax sovetskix i pol`skix istorikov vtoroj poloviny` 1950-x gg. (Iz istorii Instituta slavyanovedeniya RAN) [Problems of the history of Poland and Russia in the first half of the 19th century. in methodological discussions of Soviet and Polish historians in the second half of the 1950s. (From the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences)]. Slavyanskij al`manax [Slavic Almanac]. 2021. N. 3–4. P. 407–440. (In Russ.)

Otchety` sotrudnikov instituta o nauchny`x komandirovkax v zarubezhny`e strany` za 1953 g. [Reports of institute staff on scientific trips to foreign countries for 1953]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 116. L. 35 (In Russ.)

Otchety` sotrudnikov instituta o nauchny`x komandirovkax v zarubezhny`e strany` za 1954 g. [Reports of institute staff on scientific trips to foreign countries for 1954]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 133. L.27. (In Russ.)

Raschesova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemeczkix i sovetskix istorikov. Sozdanie komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) [The origins of cooperation between German and Soviet historians. Creation of a commission of historians of the USSR and the GDR (1949–1961)]. Vestnik omskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History.]. 2014. N 5. P. 78–86. (In Russ.)

Seres A. Vizit direktora Instituta istorii AN SSSR professora A.L. Sidorova v Vengriyu v 1956 g. [Visit of the Director of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, Professor A.L.

Sidorov to Hungary in 1956]. Novaya i Novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. N 1. P. 147–152. (In Russ.)

Soldatov A.A. «Sous, v kotorom nas gotovyat...»: Stefan Kenevich i pol`skaya istoricheskaya nauka pervogo poslevoennogo desyatiletiya [«The sauce in which we are cooked…»: Stefan Kieniewicz and Polish historical science of the first post-war decade]. Dialog so vremenem [Dialogue with time.]. 2018. Vol. 63. P. 248–266. (In Russ.)

Stenogramma soveshhaniya po obsuzhdeniyu prospekta knigi «Istoriya Chexoslovakii» Instituta istorii Akademii nauk Chexoslovakii [Transcript of the meeting to discuss the prospectus for the book «History of Czechoslovakia» at the Institute of History of the Academy of Sciences of Czechoslovakia]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 105. L. 116. (In Russ.)

Stenogramma soveshhaniya po obsuzhdeniyu sxemy` periodizacii istorii Pol`shi, sostavlennoj gruppoj pol`skix istorikov-marksistov [Transcript of a meeting to discuss the periodization scheme for the history of Poland, compiled by a group of Polish Marxist historians]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 44. L. 86. (In Russ.)

Stenogramma sovmestnogo zasedaniya sovetskix i pol`skix istorikov po voprosy` napisaniya «Istorii Pol`shi» [Transcript of a joint meeting of Soviet and Polish historians on the issue of writing the «History of Poland»]. ARAN. F. 1965. Inv. 1. Fol. 43. L. 330. (In Russ.)

Stenogramma vstrechi sotrudnikov instituta s pol`skimi istorikami [Transcript of a meeting between institute staff and Polish historians]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 115. L. 48. (In Russ.)

Stenogramma zasedaniya uchastiya sovetskoj delegacii o konferencii pol`skix istorikov (g. Varshava, dekabr` 1951 – yanvar` 1952 gg.) [Transcript of the meeting of the participation of the Soviet delegation about the conference of Polish historians (Warsaw, December 1951 – January 1952)]. ARAN. F. 1965. Inv. 1. Fol. 94. L. 64. (In Russ.)

Stykalin A.S. Vengerskij istorik D. Sekfyu o russkom nacional`nom chuvstve i sovetskom patriotizme (1946) [Hungarian historian D. Sekfu about Russian national feeling and Soviet patriotism (1946)]. Istoricheskaya e`kspertiza [Historical examination]. 2015. N 3. P. 83–91. (In Russ.)

Tret`yakov P.N. Konferenciya chexoslovaczkix istorikov [Conference of Czechoslovak historians]. Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1954. N 1. P. 184. (In Russ.)

Udal`czov I.I. VII s``ezd pol`skix istorikov [VII Congress of Polish Historians]. Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1948. N 11. P. 157–158.